

Т.Н. Чибиров

ФОРЕНИЗАЦИЯ И ДОМЕСТИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРЯДОВОЙ ЛЕКСИКИ В РАССКАЗЕ С.К. ГАДИЕВА «АЗАУ»

(на русском и английском)

Т.Н. Чибиров*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема интерпретации обрядовой лексики (на материале рассказа С.К. Гадиева «Азау»), которая заключается в культурно-коннотативных особенностях эквивалентов исходного языка (далее ИЯ) и переводящего языка (далее ПЯ). В статье подчеркивается, что при работе в тексте с культурным фактором, в частности при интерпретации обрядовой лексики, следует руководствоваться принципом переводческой стратегии форенизации, представляющей собой наиболее адекватный перевод (по Ю. Найда), а также выступающим в качестве перевода-сопротивления, цель которого заключается в том, чтобы сделать работу переводчика более заметной путем выделения чуждых для реципиента иностранных элементов, что позволяет защитить оригинальный текст от идеологического влияния целевой культуры (по Л. Венути).

Ключевые слова: доместикация, форенизация, интерпретация обрядовой лексики, культурный фактор в тексте, осетинская литература, осетинские обычаи, стратегия перевода, теория перевода.

В данной статье рассматривается проблема интерпретации национально-культурной специфики при переводе художественного текста. Как отмечает И. Левый, ввиду несоизмеримости языкового материала подлинника и перевода, и соответственно невозможности достижения семантического тождества между ними, возможна лишь интерпретация [12, с. 66]. Немецкая исследовательница Кристиан Норд (Christiane Nord) подчеркивает, что в процессе перевода происходит сравнение культур («*translating means comparing cultures*» [31, с. 77]) таким образом, что ввиду их различий точный перевод невозможен. Т.А. Казакова указывает на различия грамматического строя, синтаксических конструкций и культур ИЯ и ПЯ, как факторов, препятствующих выполнению точного перевода [10, с. 9]. Как отмечает Я.И. Рецкер, задача переводчика состоит в том, чтобы «передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности» [19, с. 10].

К задачам данного исследования относится описание проблем, с которыми сталкиваются переводчики художественных текстов (в частности при интерпретации обрядовой лексики) и разработка способов их преодоления.

Художественный перевод направлен на знакомство читателей а) с творчеством писателя, б) с культурой его народа; а передача национально-культурной специфики является для переводчика, пожалуй, одной из самых сложных задач.

Для того чтобы выявить национально-культурную специфику текста Сека Гадиева, предполагается провести сравнение картин мира оригинала и переводов (на русский и английский).

Настоящая статья содержит анализ примеров

из художественного текста, содержащих обрядовую лексику и возможные решения по их переводу на английский язык. Материалом исследования послужил рассказ С.К. Гадиева «Азау» общим объемом 14 страниц и его переводы на русский язык (А.А. Дзантиев, 1983; Т.А. Саламов, 2008).

«Азау» является одним из самых символических произведений Сека Гадиева, где повествуется о трагичной истории любви, острой социальной несправедливости, тяжелом быте осетинского народа. В.И. Абаев определяет рассказ «Азау» как «осетинский вариант вечной темы Ромео и Джульетты», представляющий собой триумф любви [2, с. 9]. В.И. Абаев также отмечает, что произведениям Сека Гадиева присуща глубокая народность. В творчестве основоположника осетинской прозы народное содержание гармонично сочетается с народной формой [2, с. 7], что объясняет обилие культурного фактора в материале исследования.

В рассказе «Азау» встречаем обрядовую лексику, которая является одним из способов репрезентации культуры в языке. Интерпретация обрядовой лексики нередко вызывает сложности у переводчиков, поскольку эквиваленты ИЯ и ПЯ имеют культурно-коннотативные различия.

Решая лингвокультурологические проблемы при работе с текстом, следует принимать во внимание особенности переводческих стратегий (доместикация – адаптация текста оригинала под культурные ценности языка перевода; форенизация – сохранение культурных ценностей оригинала при переводе).

В.В. Сдобников определяет стратегию перевода следующим образом: «...это программа осуществления переводческой деятельности, формирующаяся на основе общего подхода переводчика

* Чибиров Тимур Николаевич – м. н. с. Центра скифо-аланских исследований имени Абаева Владикавказского научного центра РАН (langless.ru@gmail.com).

к выполнению перевода в условиях определенной коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации» [21, с. 172].

Согласно *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*, переводческая стратегия доместикация практиковалась еще в античный период римскими поэтами (Гораций, Проперций) при переводе греческих текстов на латынь [31, с. 77]. Доместикация представляет собой тип перевода, который направлен на сведение к минимуму иностранных элементов, чуждых и непонятных целевой аудитории [31, с.77].

Переводческая стратегия форенизации была впервые сформулирована в немецкой культуре в период классицизма и романтизма в литературе и искусстве. Наиболее убедительно ее изложил немецкий философ и теолог Фридрих Шлейермахер в своей работе «О различных способах перевода», в которой подчеркивал, что переводы с разных языков на немецкий должны по-разному звучать и восприниматься: читатель должен распознать черты испанского языка в переводе с испанского и, соответственно, черты греческого языка в переводе с греческого [31, с.77–78; 28, с. 202]. Форенизация, согласно W. Yang, представляет собой преднамеренное нарушение условностей целевого текста, в который привносятся чуждые элементы оригинала [31, с.77].

Споры об этих противоположных переводческих стратегиях велись еще с древнейших времен. Е.В. Шелестюк и Э.Д. Гриценко отмечают, что «дихотомия стратегий буквального перевода священных текстов и более или менее вольного перевода светских текстов была центральной темой переводоведения» в работах Цицерона (106–43 гг. до н. э.), Блаженного Иеронима (347–420 гг. н. э.) и других переводчиков, писателей, общественных и религиозных деятелей [28, с. 202].

В современном переводоведении к наиболее ярким представителям этих двух переводческих стратегий относят Юджина Найда (*Eugene Nida – domestication*) и Лоуренса Вентути (*Lawrence Venuti – foreignization*).

Ю. Найда выделяет два типа эквивалентности, которыми, по мнению исследователя, следует руководствоваться при переводе: формальная и динамичная (или функциональная). В случае формальной эквивалентности переводчик концентрирует внимание на самом сообщении, как в аспекте формы, так и содержания. При формальной эквивалентности происходит проникновение в лексическую, грамматическую и структурную формы оригинального текста, что характерно для буквального перевода. В основу функциональной эквивалентности заложен принцип эквивалентного эффекта, т. е. отношение реципиента к сообщению должно быть передано в тексте перевода максимально близко к оригиналу. Рассматривая функциональную эквивалентность в области языка, культуры и перевода, Ю. Найда выделяет задачу минимум, согласно которой «читатели переведенного текста должны по-

нимать его на уровне восприятия читателями оригинала», и задачу-максимум, которая заключается в том, чтобы «читатели переведенного текста могли понимать и оценивать его таким же образом, как и читатели оригинала» [31, с. 78].

Функциональная эквивалентность по Ю. Найда разработана и используется для руководства по переводу Библии. Переводческая работа исследователя преследует особую цель – перевод христианских текстов, направленный на изменение духовного мировоззрения последователей других религий. Для того чтобы переведенный текст был понятен целевой аудитории, сообщение, которое дословно переводится «не позволяй твоей левой руке знать, что делает правая рука», может интерпретироваться как «поступай таким образом, чтобы даже твой близкий друг не узнал об этом». Найда отмечает, что подобный способ перевода позволяет избежать возможного недопонимания у реципиента и, соответственно, адаптировать его под современные реалии жизни. Исследователь подчеркивает, что подобная практика допустима при переводе Библии, однако при работе в тексте с культурным фактором функциональная эквивалентность является неадекватным способом перевода и даже может ввести читателя в заблуждение [31, с.78].

Переводческая стратегия форенизации была сформулирована Л. Вентути для сопротивления «агрессивной одноязычной» англо-американской культурной среде. Исследователь подчеркивает, что в основу целей и функционирования доместикации заложена идея насильственного принуждения, которая проявляется в этноцентрическом характере данной переводческой стратегии, стремящейся к сокращению оригинального текста и его адаптации под ценности языка перевода. Вентути противопоставляет стратегию «перевода-сопротивления» (т. е. форенизацию) традиции сглаженного перевода (т. е. перевод, в котором чуждые иностранные элементы сведены к минимуму) [31, с. 78].

Вентути отмечает, что метод форенизации представляет собой этнодевиантное давление на культурные ценности языка перевода, подчеркивающее отличие оригинального текста от перевода, что позволяет поместить читателя в лингвокультурную среду автора. По мнению исследователя, «крайне желательно» предпринимать попытки к сдерживанию «этноцентрического насильственного принуждения» противоположной переводческой стратегии (т. е. доместикации). Иными словами, метод форенизации может подавлять «насильственное» одомашнивание (т. е. сглаживание), адаптирующее текст под культурные ценности англоязычного мира. Таким образом, форенизация, в поддержку которой выступают Л. Вентути и его последователи, является отчуждающим стилем перевода, рассчитанным на то, чтобы сделать видимым присутствие переводчика путем выделения чуждых (для реципиента) иностранных элементов из оригинального текста, что позволяет защитить его (т. е. исходный

текст) от идеологического влияния целевой культуры. Согласно Л. Венути, доместикация и форенизация – это скорее «эвристические понятия», нежели бинарные оппозиции. Их значимость может меняться в зависимости от времени и принадлежности текстов (оригинала и перевода) к той или иной культурной среде. Однако что остается неизменным, так это то, как доместикация и форенизация подходят к вопросу степени отражения культурных различий в тексте [31, с. 78].

В материале исследования (рассказе С.К. Гадиева «Азау») встречаем пример, относящийся к свадебной обрядности, который в обоих переводах данного произведения на русский язык (Дзантиев 1983, Саламов 2008) передается с учетом переводческой стратегии доместикации:

къухылхæцæг ‘шафер’: *Нæмттæ равзæрстой, æмæ лæппуы мад Томианмæ йæ къухылхæцæджы барвыстой, цæмæй æгъдаумæ гæсгæ нæмттæй равзара æмæ лæппуыл йæ мады ‘взæрст ном сæвæрой* [7, с. 406] – «Судили, рядили, а потом послали к Томиане ее шафера, чтобы, по обычаю, назвать новорожденного именем, выбранным матерью» [20, с. 29].

Хотя осетинское *къухылхæцæг* и русское *шафер* содержат сему «друг жениха», однако они не выражены полной эквивалентностью, а учитывая контекст, *шафер* и вовсе можно рассматривать не совсем адекватным.

Осетинское *къухылхæцæг* в обоих переводах на русский передается лексемой *шафер*, что представляет собой пример переводческой стратегии доместикации, т. е. адаптации текста оригинала под культурные ценности языка перевода.

В кратком словаре «Этнография и мифология осетин» *къухылхæцæг* (букв. *державший за руку*) определяется как лицо, наделенное в традиционной осетинской свадебной обрядности широкими полномочиями. Отношения *къухылхæцæг* с женихом и невестой выходили за рамки свадьбы; являясь, как правило, одним из близких друзей жениха, *къухылхæцæг*, согласно обычаям, впоследствии становился названным братом невесты, вступая, таким образом, в отношения искусственного родства, как с семьей невесты, так и с семьей жениха [8, с. 87]. В свою очередь *шафер*, согласно словарям русского языка, указывает исключительно на свадебную обрядность [5, с. 1492; 22, с. 704; 23, с. 1408].

Значение лексемы *къухылхæцæг*, реализуемое в данном контексте, выходит за рамки свадебной обрядности. Таким образом, выбранное переводчиком, в вышеприведенном примере, *шафер* является не совсем адекватным, поскольку русский эквивалент указывает исключительно на свадебную обрядность.

В этой связи, в рамках осуществляемого нами перевода¹ данного произведения на английский

язык, мы интерпретируем лексему *къухылхæцæг* как *a sworn brother who was her best man at the wedding* («названный брат, бывший шафером на свадьбе»). Для того чтобы передать оба признака лексемы *къухылхæцæг*, реализуемых, на наш взгляд, в контексте, мы вынуждены представить столь семантически избыточный перевод, где английский текст содержит указание на а) искусственное родство; б) свадебную обрядность: *Нæмттæ равзæрстой, æмæ лæппуы мад Томианмæ йæ къухылхæцæджы барвыстой, цæмæй æгъдаумæ гæсгæ нæмттæй равзара æмæ лæппуыл йæ мады ‘взæрст ном сæвæрой* [7, с. 406] – «Names were selected and Tomian's sworn brother, who had been her best man at the wedding, was sent to visit her so that she could choose among the names, according to the custom, and therefore the boy would be named by his mother's choice» [переведено нами. – Т. Ч.].

Однако в дальнейшем при появлении в тексте лексемы *къухылхæцæг* нами передается уже один, наиболее актуальный ее признак – признак искусственного родства, содержащийся в лексеме *a sworn brother* ‘названный брат’: *Томианы къухылхæцæг хистæр лæгтæн радзырдта Томианы æвзæрст ном* [7, с. 406] – «Шафер передал старшим желание матери» [9, с. 53] – «Tomian's sworn brother informed the elders of her name choice» [переведено нами. – Т. Ч.].

В рассказе С.К. Гадиева «Азау» встречаем также примеры, относящиеся к поминальной обрядности:

1) **Зæрдæвæрæн бон** ‘один из цикла поминальных дней, приуроченных к христианскому празднику Вознесения’ [1, с. 302], ‘день поминовения усопших в текущем году’ [15, с. 28], ‘утешение души в день Заговения’ [26, с. 266]: *Азау раст Зæрдæвæрæн бонмæ йæхи сцæттæ кодта...* [7, с. 419].

Приводим оба перевода данного произведения на русский язык, которые по-разному интерпретируют лексему *Зæрдæвæрæн бон* с учетом противоположных переводческих стратегий (доместикации и форенизации):

Подходил праздник Вознесения, и Азау стала собираться в дорогу... (перевод Т.А. Саламова – доместикация) [20, с. 40].

Азау собралась в дорогу как раз накануне праздника Зардæваран (перевод А.А. Дзантиева – форенизация) [9, с. 64].

На наш взгляд, интерпретация обрядовой лексики (особенно названий различных обрядов и обычаев) должна осуществляться с учетом принципов форенизации, поскольку в определенных случаях отклонение от данной переводческой стратегии влечет за собой неточности и введение в заблуждение реципиента, который зачастую обращается к иностранной литературе, в том числе и для

¹ Наш перевод данного произведения на английский язык не претендует на художественность, однако содержит основные переводческие стратегии и приемы.

получения информации национально-культурного характера.

Как было отмечено нами выше, перевод данного примера осуществлен Т.А. Саламовым с учетом принципов доместикиции (т. е. в ходе данной переводческой стратегии происходит адаптация текста оригинала под культурные ценности языка перевода): *Азау раст Зæрдæвæрæн бонмæ йæхи сцæттæ кодта...* [7, с. 419] – «Подходил праздник Вознесения, и Азау стала собираться в дорогу...» (Перевод Т. Саламова – стратегия доместикиции) [20, с. 40].

Согласно «Православной энциклопедии» (под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла), Вознесение Господне [греч. *Ἀνάληψις τοῦ Κυρίου*; лат. *Ascensio Domini*] отмечается для прославления воскресшего Иисуса Христа, которое тесно связано с Его Вознесением на небеса [18], о чем неоднократно упоминается в Новом Завете [4, с. 173, 195, 234–235, 245, 265–270].

Вознесение Господне имеет икупительный характер [4, с. 263, 268, 269] и выступает как образ обожения каждого верующего во Христа. Как отмечал святой Григорий Палама, Вознесение Господне предназначено для всех людей – все воскреснут в день второго пришествия Иисуса Христа. Однако вознесутся лишь те, кто «распяли грех через покаяние и жительство по Евангелию» [18].

В свою очередь *зæрдæвæрæн* / *зæлдæвæрæн*, *зæлдкæрдæн* (диал.) в осетинской культуре хоть и соотносится с христианскому Вознесению (*зæрдæвæрæн* отмечается в четверг шестой недели после пасхи [25, с. 152], как и праздник Вознесения, который также приходится на четверг шестой недели после пасхи [16], однако, согласно Л.А. Чибирову, у осетин праздник получил развитие одностороннего характера, как день поминовения усопших. «В этот день принято было очищать, выравнивать и отделять могилы недавно умерших, обсаживать их цветами, молодыми деревьями, обкладывать их дерном, строить склепы, а позже и памятники» [25, с. 152]. По мнению исследователя, праздник хоть и пришел к осетинам из православия, однако сохранил целый ряд языческих элементов [26, с. 381].

Рассматривая этимологию данного слова, В.И. Абаев выделяет дигорский вариант как первичный, толкуя его следующим образом: *зæлдæвæрæн* (*зæлдæ* ‘дерн’, *æвæрæн* ‘укладка’) – «день укладки дерна на могилах». В иронской форме *зæрдæвæрæн*, по мнению исследователя, произошла замена *зæлдæ* ‘дерн’ на *зæрдæ* ‘сердце’, что привело к изменению семантики: «праздник стал пониматься не как день ‘дерноукладки», а как день «обещания», от *зæрдæ æвæрын* ‘обещать’, ‘обнадеживать» [1, с. 302].

У русских в день Вознесения также принято вспоминать умерших, которые, как считалось, оберегают родственников, вспоминающих о них. Как в православии, так и в католичестве, к Вознесению

приурочено несколько особых церковных обрядов (Всенощное бдение; Литургия, на которой читают Евангелие от Марка; благословение бобов и винограда во время мессы; тушение пасхальной свечи и т. д.) [6].

Хотя в «Периодической печати Кавказа об Осетии и осетинах» встречается упоминание о Вознесении, описывается оно не как христианский праздник, а как большие поминки, имевшие, согласно С.Г. Каргинову, крайне разорительный характер и пагубно влиявшие на хозяйство горца [17, с. 576].

Таким образом, рассматриваемый пример *Азау раст Зæрдæвæрæн бонмæ йæхи сцæттæ кодта* [7, с. 419] следует интерпретировать на английский следующим образом: *Azaw got ready right by the day of Zærdævææræn*. Свой перевод на английский мы также снабжаем сноской, в которой объясняется предназначение рассматриваемого праздника (*foot-note: Zærdævææræn is the day of the ancestors in the annual religious calendar of the Ossetians*) [переведено нами: Чибиров].

В праздник *Зæрдæвæрæн* было принято не только облагораживать могилы умерших родственников, но и накрывать поминальный стол, на который подавали разнообразные блюда, чтобы «накормить» покойника на том свете [26, с. 381]. В рассказе упоминание о празднике *Зæрдæвæрæн* сопровождается сообщением о приготовлении Азау (т. е. главной героиней) поминальной еды: ... *арахъхъ рауагъта, гъотелийы тæнджытæ сфыхта, уу фыс балхæдта, уæрдон сифтыгъдтой æмæ йæ фырттæй иуимæ ацыд* [7, с. 419] – «Она сделала араку, испекла пирогов и купила барана. В арбу запрягли лошадь, и Азау отправилась в путь с одним из сыновей» [20, с. 40] – «*She made araq, baked scones, bought a sheep and headed off in a cart with one of her sons*» [переведено нами. – Т. Ч.].

Вышеприведенный пример содержит также упоминание о баране (*уу фыс балхæдта* – купила одного барана), которое в данном контексте передает семантику жертвенного животного к празднику *Зæрдæвæрæн*. Согласно Л.А. Чибирову, культ барана получил сильное развитие среди осетин, и «считался первым по значимости и лучшим жертвенным животным при отправлении ритуально-обрядовых процедур» [26, с. 158]. Указывая на связь культа барана с культом предков, исследователь отмечает, что «вплоть до недавнего времени в день поминовения умерших (*Зæрдæвæрæн*) осетины закапывали в могилу покойника сердце жертвенного барана» [26, с. 464–465].

Следует отметить, что не только обрядовая лексика, но и восклицания могут передаваться поразному с учетом рассматриваемых переводческих стратегий: *Мæ къонайыл, уæдæ уый æз куы нæ зыдтон* [7, с. 407] (осет. *къона* ‘очаг’) – «Господи, а ведь я этого не знала!» [20, с. 29] (стратегия доместикиция) – «О очаг мой, никогда об этом не слышала» [9, с. 54] (стратегия форенизация).

Къона т. е. ‘домашний очаг’ выполнял важней-

шую роль в осетинской семье, воспринимаясь как святыня и символизируя семейное благополучие и единство [8, с. 85]. Религиозное почитание очага и надочажной цепи Б.А. Калоев связывает с культом предков. Исследователь отмечает, что «сильнейшим оскорблением, неминуемо влекущим за собой кровную месть, было оскорбление очага и надочажной цепи» [11, с. 194]. Очаг и надочажная цепь являлись также необходимыми атрибутами свадебной и родильной обрядности осетин [8, с. 85]. Согласно краткому словарю «Этнография и мифология осетин», обращаясь к покровителю домашнего очага – *Сафа* [8, с. 122], «над очагом давали клятву; с очагом прощалась девушка, выходя замуж; вокруг очага обводили невесту в доме жениха, приобщая ее к новой семье (...); под золу очага зарывали пуповину новорожденных» [8, с. 85].

Передача восклицания нередко осуществляется при помощи приема целостного переосмысления, который представляет собой осознание смыслового значения всего словосочетания, смысловой группы или предложения и предполагает, как отмечает Н.А. Читалина, его «перевыражение» словами, иногда очень далекими от слов подлинника [27, с. 73].

Я.И. Рецкер в своем фундаментальном труде «Теория перевода и переводческая практика», рассматривая прием целостного преобразования, приводит широкий ряд примеров из разговорного языка, в которых видимая связь между внутренней формой ИЯ и ПЯ не прослеживается. Ученый отмечает, что «традиция языковых контактов использовала ряд целостных преобразований частотных лексических единиц и закрепила их результаты как словарные соответствия»: *How do you do – Здравствуйте; Welcome – Добро пожаловать; Never mind – Ничего, не беспокойтесь, не обращайтесь внимания; Don't mention – Не стоит благодарности; Forget it – Не стоит говорить об этом; Here you are – Вот, пожалуйста; Here's to you – За ваше здоровье; Well done – Bravo! Молодец; Have done – Хватит, довольно; That'll do. – Достаточно, хватит, можете идти, вы свободны; Now then – Нука, скорей; Well now – Ну, что же; Shut up – Заткнись; Help yourself – Кушайте, пожалуйста; Hear, hear! – Правильно, правильно!* [19, с. 60–61].

Однако, на наш взгляд, для того, чтобы подчеркнуть особое отношение осетин к очагу, при переводе рассматриваемого примера следует руководствоваться принципом переводческой стратегии форенизации, вопреки Л.С. Бархударову, относившему буквальный перевод к более низкому уровню, недостаточному для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ [3, с. 10]: *Мæ къонайыл, уæдæ уый æз куы нæ зыдтон* [7, с. 407] – «*Oh my hearth, I didn't know that*» [переведено нами. – Т. Ч.].

2) *хист* 'поминки': *Томиан хистытæ фæкодта,*

хæдзары ма цы мурзгъæл уыд, адæмæн сæ бахæрын кодта, фæлæ ма йæ ноджыдæр сауисæны хист хъуыд [7, с. 411] – «Томиан не раз собирала в доме последние крохи, чтобы справить поминки по погибшему мужу, и вот теперь ей оставалось справиться еще один перед тем, как снять траур» [9, с. 57].

Приведенный нами перевод А.А. Дзантиева является, на наш взгляд, наиболее точным, поскольку передает всю информацию, содержащуюся в оригинале. В переводе же Т. Саламова сообщение о «поминках по случаю снятия траура» (*сауисæны хист*) опускается: *Томиан хистытæ фæкодта, хæдзары ма цы мурзгъæл уыд, адæмæн сæ бахæрын кодта, фæлæ ма йæ ноджыдæр сауисæны хист хъуыд* [7, с. 411] – «Томиан устроила последние поминки по мужу, потратив на них те крохи, которые еще оставались в доме» (перевод Т. Саламова) [20, с. 33].

Одной из важнейших задач художественного перевода является передача национально-культурной специфики. Рассматриваемый пример содержит информацию, указывающую на особенности осетинской поминальной обрядности, в частности, на наличие целого ряда поминальных мероприятий², организация которых требовала очень больших расходов и, согласно В.Ф. Миллеру, в 70–80 гг. XIX в. превышала 2 000 рублей у осетин-христиан [13, с. 288].

Я.В. Усачева в своей статье «Языковая картина мира и подходы к анализу оригинала и перевода художественного произведения» подчеркивает, что переводчик художественных текстов в равной степени должен придерживаться оригинала и принимать во внимание нормы целевой культуры, в противном случае реципиент (т. е. читатель) получит лишь фрагментарное представление [24, с. 246].

В английской языковой картине мира концепт поминки достаточно содержательно представлен:

mercy meal 'поминки после похорон' (в Православии) [14];

month's mind 'Roman Catholic requiem mass held a month after a person's death' – «католическая заупокойная месса, проводимая спустя месяц после смерти человека» [29];

funeral feast 'поминки' (в России и в соседних странах) [14];

funeral repast 'поминки' (поминальный обед) [14];

wake 'a watch held over the body of a dead person prior to burial and some times accompanied by festivity' – «присмотр за телом умершего человека перед погребением, иногда сопровождающийся пиршеством») [29];

Это далеко не полный список поминальных мероприятий по покойнику, проводимых в разное время, среди которых мы выделяем ЛЕ *funeral feast*, отдельные коннотативные признаки которой указывают на определенный регион распростране-

² Профессор Л.А. Чибиров в своей монографии «Традиционная духовная культура осетин», рассматривая поминальные обряды осетинского народа, приводит список из 25 поминок, проводимых родственниками умершего в течение года [26, с. 311].

ния (см. выше *funeral feast* «в России и в соседних странах»). Лексема *feast* в составе сложного существительного *funeral feast* указывает, на обрядовый характер пиршества: *feast – a periodic religious observance commemorating an event or honoring a deity, person or thing* («периодический религиозный обряд, отмечающий событие или чествующий божество, человека или предмет») [29].

Таким образом, на наш взгляд при переводе вышеприведенного примера следует использовать ЛЕ *funeral feast*... «Томиан хистытæ фæкодта, хæдзары ма цы мурызгæл уыд, адæмæн сæ бахæрын кодта, фæлæ ма йæ ноджыдæр сауисæны хист хъуыд» [7, с. 411] – «Tomian made a number of funeral feasts, she fed people with crumbs, that had found at home, but she still needed to make another one for the end of the mourning period» [переведено нами. – Т. Ч.].

Итак, в рамках данного исследования рассмотрен ряд примеров обрядовой лексики из рассказа С.К. Гадиева «Азау», а также способы ее интерпретации на русский и английский языки. Обилие культурного фактора в материале исследования

объясняется глубокой народностью произведений основоположника осетинской прозы, в которых народное содержание гармонично сочетается с народной формой. Сложность интерпретации обрядовой лексики состоит в культурно-коннотативных различиях эквивалентов ИЯ и ПЯ, а при решении лингвокультурологических проблем следует принимать во внимание особенности переводческих стратегий. Рассмотренный теоретический материал позволил сделать вывод в отношении культурного фактора в тексте, который, на наш взгляд, следует интерпретировать с учетом переводческой стратегии форенизации, что отмечает также Ю. Найда – видный представитель противоположной переводческой стратегии, подчеркивая, что функциональная эквивалентность (доместикация) является неадекватным способом перевода при работе с культурной информацией в тексте. К тому же форенизация представляет собой перевод-сопротивление, позволяющий защитить оригинальный текст от идеологического влияния целевой культуры и сделать работу переводчика более заметной.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абаев В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. U-Z. – М.: Изд-во «Виком», 1996. 326 с.
2. **Абаев В.И.** Слово о Сека Гадиеве // Гадиев С.К. Произведения: проза, стихи, пьесы, миниатюры – Владикавказ: Ир, 2008 С. 5–10.
3. **Бархударов Л.С.** Уровни языковой иерархии и перевод. «Тетради переводчика», № 6, М., 1969, с.10.
4. **Библия.** Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Использован текст Юбилейной Библии издательства «Свет на Востоке». 2013. 1248 с.
5. **Большой толковый словарь русского языка.** / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. 1 536 с.
6. **В начале июня православные христиане отметят светлый праздник Вознесения Господне** // the Russian times.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://therussiantimes.com/news/358847.html> (дата обращения: 27. 05. 2019)
7. **Гæдиаты С.** Уацмыстæ (Гадиев С.К. Произведения). – Дзæуджыхъæу: Ир, 1991. 639 с.
8. **Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М.** Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. – Владикавказ, 1994. 284 с.
9. **Дзантиев А.А.** Перевод рассказа Сека Гадиева «Азау» (на русский язык) // Антология осетинской прозы. – Орджоникидзе: Ир, 1983. С. 53–65.
10. **Казакова Т.А.** Практические основы перевода. English ↔ Russian. – Серия: Изучаем иностранные языки. – СПб.: Изд-во «Союз», 2000. 320 с.
11. **Калоев Б.А.** Осетины (историко-этнографическое исследование). Изд. 2-е, исправ. и доп. – М.: Изд-во «Наука», 1971. 357 с.
12. **Левый И.** Искусство перевода // Перевод с чешского и предисловие Вл. Россельса. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. 397 с.
13. **Миллер В.Ф.** Осетинские этюды. – М., 1881. С. 288.
14. **Мультитран** [Электронный ресурс] // Мультимедийный словарь перевода слов онлайн. – Режим доступа: <http://www.multitrans.ru>.
15. **Осетинские обычаи.** Составитель Гастан Агнаев: Рецензенты Камал Ходов, Георг Чеджемты. – Владикавказ, «Урсдон», 1999. 172 с.
16. **Пасха Христова и подвижный богослужебный круг** // Православие.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/105155.html> (дата обращения: 17. 05. 2019)
17. **Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах** [Текст]: науч.-попул. сб. – Владикавказ: Ир. Кн. 7 / ФГБУН Сев.-Осетинский ин-т гуманитар. и соц. иссл. им. В.И. Абаева/сост. Л.А. Чибиров – 2014. 615 с.
18. **Православная энциклопедия.** Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс] // Т. 9. 2009. С. 197–203. – Режим доступа: [http://www.pravenc.ru/text/Вознесение Господне.html](http://www.pravenc.ru/text/Вознесение%20Господне.html) (дата обращения: 15.05.2019).
19. **Рецкер Я.И.** Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М.: «Р. Валент», 2007. 244 с.
20. **Саламов Т.** Перевод рассказа Сека Гадиева «Азау» (на русский язык) // Гадиев С.К. Произведения: проза, стихи, пьесы, миниатюры. – Владикавказ: Ир, 2008. С. 28–41.
21. **Сдобников В.В.** Стратегия перевода: общее определение // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1. С. 165–172.
22. **Словарь русского языка (МАС): В 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой.** – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С – Я. 1988. 800 с.
23. **Толковый словарь живого великорусского языка.** / Сост. В.И. Даль. Т. IV. С – V. С.-Петербург – Москва: Издание т-ва М.О. Вольф, 1909. 1 619 с.
24. **Усачева Я.В.** Языковая картина мира и подходы к анализу оригинала и перевода художественного произведения // Новый филологический вестник. № 3 (42). 2017. С. 241–253.
25. **Чибиров Л.А.** Народный земледельческий календарь осетин. – Цхинвал: Изд-во «Ирыстон», 1976. 302 с.
26. **Чибиров Л.А.** Традиционная духовная культура осетин / Под ред. Ю.Ю. Карпова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 711 с.
27. **Читалина Н.А.** Учитесь переводить (Лексические проблемы перевода). – М., «Международ. отношения», 1975. 80 с.
28. **Шелестюк Е.В., Гриценко Э.Д.** О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник ЧелГУ. 2016. №4 (386). Филологи-

ческие науки. Вып. 100. С. 202–207.

29. **MWOD** – Merriam-Webster Online Dictionary [Electronic resource] / Merriam-Webster, Inc. Electronic data. – [S. l.], cop. 2019. – Mode of access: <http://www.merriam-webster.com>. – Title from the Internet home page.

30. **Venuti, L.** *The translator's invisibility* / L. Venuti. – London, New York: Routledge, 1995.

31. **Yang, W.** *Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation* / W. Yang // *Journal of Language Teaching and Research*. – 2010. – Vol. 1, no. 1. – Pp. 77–80.

FOREIGNIZATION AND DOMESTICATION: THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF RITUAL VOCABULARY IN S.K. GADIEV'S STORY «AZAW» (INTO RUSSIAN AND ENGLISH)

T.N. Chibirov

«The Abaev's centre of scythian-alanian studies» of Vladikavkaz scientific centre of the Russian Academy of Sciences (langless.ru@gmail.com).

Abstract. The article considers the problem of interpretation of ritual vocabulary (on the material of S.K. Gadiev's story "Azaw"), which is in cultural-connotative peculiarities of the source-language and target-language equivalents. The article stresses that when dealing with the cultural factor in the text, in particular in interpreting ritual or ceremonial vocabulary, the principle of foreignization should be applied as the most appropriate translation (on Eugene Nida), it also acts as a mean of resistant translation that aims to make translator's work more noticeable by highlighting cultural elements of the source-translation and protecting it from the ideological influence of the target culture (on Lawrence Venuti).

Keywords: domestication, foreignization, interpretation of ritual vocabulary, cultural factor in the text, Ossetian literature, Ossetian customs, translation strategy, translation theory.

REFERENCES

1. Abaev V.I. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka*. T. IV. U-Z. – M.: Izd-vo «Vikom», 1996. 326 s.
2. Abaev V.I. *Slovo o Seka Gadieve* // Gadiev S.K. *Proizvedeniya: proza, stihy, p'esy, miniatyury* – Vladikavkaz: Ir, 2008. S. 5–10.
3. Barhudarov L.S. *Urovni yazykovoj ierarhii i perevod*. «Tetrad' perevodchika», № 6, M., 1969, s.10.
4. Bibliya. *Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zavetov. Ispol'zovan tekst YUbilejnoy Biblii izdatel'stva «Svet na Vostoke»*. 2013. 1248 s.
5. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. / Sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. – SPb.: «Norint», 2000. 1 536 s.
6. *V nachale iyunya pravoslavnye hristiane otmetyaj svetlyj prazdnik Vozneseniya Gospodne* // the Russian times.com [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://therussiantimes.com/news/358847.html> (data obrashcheniya: 27. 05. 2019)
7. Gædiaty S. *Uacmystæ* (Gadiev S.K. *Proizvedeniya*). – *Dzæudzhyhæu*: Ir, 1991. 639 s.
8. Dzadziev A.B., Dzucev H.V., Karaev S.M. *Etnografija i mifologija osetin. Kratkij slovar'*. – Vladikavkaz, 1994. 284 s.
9. Dzantiev A.A. *Perevod rasskaza Seka Gadieva «Azau» (na russkij jazyk)* // *Antologija osetinskoj prozy*. – Ordzhonikidze: Ir, 1983. S. 53–65.
10. Kazakova T.A. *Prakticheskie osnovy perevoda. English ↔ Russian*. – Seriya: Izuchaem inostrannye jazyki. – SPb.: Izd-vo «Soyuz», 2000. 320 s.
11. Kalojev B.A. *Osetiny (istoriko-etnograficheskoe issledovanie)*. Izd. 2-e, isprav. i dop. – M.: Izd-vo «Nauka», 1971. 357 s.
12. Levij I. *Iskusstvo perevoda* // *Perevod s cheshskogo i predislovie VI. Rossel'sa*. – M.: Izd-vo «Progress», 1974. 397 s.
13. Miller V.F. *Osetinskie etyudy*. – M., 1881. S. 288.
14. *Mul'titran [Elektronnyj resurs] // Mul'timedijnyj slovar' perevoda slov onlajn*. – Rezhim dostupa: <http://www.multitran.ru>.
15. *Osetinskie obyčaji. Sostavitel' Gastan Agnaev: Recenzenty Kamal Hodov, Geor CHedzhemty*. – Vladikavkaz, «Urson», 1999. 172 s.
16. *Paskha Hristova i podvizhnyj bogoslužebnyj krug* // *Pravoslavie.ru [Elektronnyj resurs]* – Rezhim dostupa: <https://pravoslavie.ru/105155.html> (data obrashcheniya: 17. 05. 2019)
17. *Periodicheskaya pečat' Kavkaza ob Osetii i osetinah [Tekst]: nauch.-popul. sb.* – Vladikavkaz: Ir. Kn. 7 / FGBUN Sev.-Osetinskij in-t gumanit. i soc. issl. im. V.I. Abaeva/sost. L.A. CHibirov – 2014. 615 s.
18. *Pravoslavnaya enciklopediya. Pod red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla [Elektronnyj resurs]* // T. 9. 2009. S. 197–203. – Rezhim dostupa: http://www.pravenc.ru/text/Voznesenie_Gospodne.html (data obrashcheniya: 15.05.2019).
19. Recker YA.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Očerki lingvisticheskoj teorii perevoda / Dopolneniya i kommentarii D.I. Ermolovicha*. – 3-e izd., stereotip. – M.: «R. Valent», 2007. 244 s.
20. Salamov T. *Perevod rasskaza Seka Gadieva «Azau» (na russkij jazyk)* // Gadiev S.K. *Proizvedeniya: proza, stihy, p'esy, miniatyury*. – Vladikavkaz: Ir, 2008. S. 28–41.
21. Sdobnikov V.V. *Strategija perevoda: obshchee opredelenie* // *Vestnik IGLU*. 2011. № 1. S. 165–172.
22. *Slovar' russkogo yazyka (MAS): V 4-h t./AN SSSR, In-t rus. yaz.; Pod red. A.P. Evgen'evoj*. – 3-e izd., stereotip. – M.: Russkij jazyk, 1985–1988. T. 4. S – YA. 1988. 800 s.
23. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. / Sost. V.I. Dal'. T. IV. C – V. S.-Peterburg – Moskva: Izdanie t-va M.O. Vol'f, 1909. 1 619 s.
24. Usacheva YA.V. *Yazykovaya kartina mira i podhody k analizu originala i perevoda hudozhestvennogo proizvedeniya* // *Novyj filologicheskij vestnik*. № 3 (42). 2017. S. 241–253.
25. CHibirov L.A. *Narodnyj zemledel'cheskij kalendar' osetin*. – Kkhinval: Izd-vo «Iryston», 1976. 302 s.
26. CHibirov L.A. *Tradicionnaya duhovnaya kul'tura osetin / Pod red. YU.YU. Karpova*. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2008. 711 s.
27. CHitalina N.A. *Uchites' perevodit' (Leksicheskie problemy perevoda)*. – M., «Mezhdunar. otnosheniya», 1975. 80 s.
28. SHelestyuk E.V., Gricenko E.D. *O forenzicacii i domestikacii v perevode i vozmozhnostyah ih lingvisticheskoj ocenki* // *Vestnik CHelGU*. 2016. №4 (386). *Filologicheskie nauki*. Vyp. 100. S. 202–207.
29. **MWOD** – Merriam-Webster Online Dictionary [Electronic resource]/Merriam-Webster, Inc. Electronic data. – [S. l.], cop. 2019. – Mode of access: <http://www.merriam-webster.com>. – Title from the Internet home page.
30. **Venuti, L.** *The translator's invisibility* / L. Venuti. – London, New York: Routledge, 1995.
31. **Yang, W.** *Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation* / W. Yang // *Journal of Language Teaching and Research*. – 2010. – Vol. 1, no. 1. – Pp. 77–80.